

И вот через 80 с лишним лет после ее рождения «Мастерицу варить кашу» поставил советский театр.

У Чернышевского «Мастерица» была написана в одном действии. Театр дополнил текст пьесы, используя имеющиеся в рукописях Чернышевского варианты. Включение ряда сцен, взятых из вариантов, увеличило ее размер, и спектакль ЦТСА состоит из трех актов, остроумно связанных между собой повторением в начале каждого нового действия заключительных реплик предыдущего.

Тактично и бережно проделав эту работу над текстом пьесы, тщательно продумав режиссерское решение спектакля, театр открыл нам талантливое произведение Чернышевского не только как ценный историко-литературный документ. Он создал живой комедийный спектакль, сверкающий режиссерской смелостью и яркими актерскими удачами.

Пьеса Чернышевского, которую автор иронически назвал «пасторалью», — сатира. Верное оружие смеха, каким великий революционный демократ разил фразерствующих либералов в своем «Прологе», пустых бездарных людей света — в «Что делать?», вновь обращено против ненавистного помещичье-крепостнического строя. И, как это часто бывает в произведениях Чернышевского, художественное начало сочетается в пьесе с публицистикой, а изображение реальных, конкретных людей и событий имеет еще и иносказательный, аллегорический смысл.

Чернышевскому и его друзьям, стесненным жесточайшей царской цензурой, в центральном образе пьесы — образе самодурки-помещицы выделась тупая, наглая сила самодержавия; суетившиеся рядом лакеи напоминали либералов. А история наследства бедной девушки Наденьки, которое обманом присвоила Карелина, говорила о горькой судьбе ограбленного народа.

Естественно, что эти аллегории не могли непосредственно, некими условными образами войти в реалистический спектакль ЦТСА. Но они помогали театру добиться необходимой для сценической сатиры страстности, подчинить серьезной обличительной цели остроумное, захватывающее зрителя своим весельем изображение помещичьей глупости и подлости.

Агнеса Ростиславовна Карелина, урожденная Серпухова, беспросветно, вопиюще глупа. Текст ее роли состоит почти из одних междометий да обращаемой то и дело к Городищеву, привычной просьбы: «Милый, поцелуйте меня еще!». Однако полное отсутствие мыслительных способностей не мешает Карелиной пользоваться фанатической, раболопной преданностью окружающих. Ее хромые, сентиментальные элегии, где слово «шалаш» заменяется на «шалет», напоминают поклонникам Петрарку и Гете. Как драгоценную реликвию, демонстрируют они непосвященным альбом Рисунков Агнесы Ростиславовны, и их нимало не смущает, что розы натюрмортов больше смахивают на еловые шишки. А когда благодетельница посылает в подарок любимой горничной конфетку, которую сама надкусила, вокруг льются радостные слезы умиления.

В контрасте ничтожества, смехотворности Карелиной и восторженного восприятия домочадцами каждого ее маловразумительного слова рождается комизм пьесы Чернышевского. И этот прием разительного несоответствия между содержанием и формой происходящего дает в спектакле удивительный комедийный эффект. Как смешно, например, сочетание подчеркнуто скромной обстановки дачи-«избушки», где, разыгрывая любительницу идиллической сельской простоты, живет Карелина, и строжайшего ритуала, почти языческого культа, каким сопровождается любое

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР СОВЕТСКОЙ АРМИИ. «Мастерица варить кашу».
Карелина — Л. Добрянская. Городищев — А. Холудский.